
Мария ИЛЬИНА

РАССКАЗЫ

АСКЛЕПИЙ И ГЕРМЕС

Вчера, в семнадцатый день августа, года от Рождества Христова 1774-го, я стал свидетелем чудесного исцеления, случившегося при самых драматических обстоятельствах, описание коего хочу оставить в назидание потомкам.

Пишет сии строки отставной капитан от инфантерии Муромцев Илья Николаевич, симбирский дворянин и человек мыслящий. Термин «вольнодумец» не представляется мне уместным. Ибо мысль по натуре своей субстанция вольная и иной быть не может. Покорность же в мыслях есть скудоумие и отупение.

Оставлю на сем философическое отступление и перейду к интродукции главной героини повествования — супружницы моей Антонины Степановны, особы возвышенной и благородной, лишь волею божественного недоразумения оказавшейся на грешной земле.

Стрела Купидона пронзила сердце мое в день знакомства, во время пения дуэтом французского романса на вечере в доме майора, ее отца. Конечно, музицирование в моде у современных барышень, но звуки, исторгаемые ими, скорее вызывают жалость, нежели любовь. Тони же пела, словно богиня; ее пальчики порхали над клавикордами, а я бежал за ней по облаку, как был, в хромовых сапогах и все не поспевал!

...Потом я долго осаждал чертоги Афродиты, как истинный солдат, на все готовый ради виктории. Она меня не замечала, но я не отступал, ибо убежден, что многие жизненные поражения могли бы стать победами, если бы не преждевременные капитуляции.

Я штурмовал столь милый Тони аглицкий язык, ходивший у ней в доме наравне с французским. После знакомства с моей сильфидой язык сей перестал казаться мне грубым и плебейским, как и традиции наших извечных недругов. Да что язык, я даже oats — овес стал кушать на завтрак с упоением, подобно рысаку в конюшне.

Я стал другим, надеюсь, лучше стал. И хоть я не был вполне достоин счастья, Господь внял моим молитвам — мы обвенчались в 1770 году в столице. Лучшего брака и помыслить себе неможно. Мы парили между небом и землей, подобно жаворонкам в солнечных лучах.

Но наше счастье было быстротечно, как полет. Произведя на свет сына, который, увы, не прожил и дня, Тони стала чахнуть, подобно срезанной фиалке. Она худела и бледнела, ничто ее не радовало, даже музыка. Она сидела в креслах целый день, задвинув шторы. Говорила, что солнце жжет нещадно, и начинала задыхаться в панике при виде клавикордов.

Я стал искать Врача. Да, именно вот так, с заглавной литеры. Лекарей и лекаришек повсюду в изобилии, на любой вкус и кошелек. Но как лечить, никто не ведает. А хворь все наступает, как вражеское войско, покоя не дает: днем жжением телесным, ночью смертным ужасом!

Мария Александровна Ильина родилась в 1976 году в Москве. Образование высшее, кандидат медицинских наук.

Я не хотел, не мог ее потерять! При одной мысли об этом я сам начинал задыхаться от страха и вытирал платком вспотевший лоб. Когда-то я шел в атаку на врага без трепета, а нынче страшился входить в покои собственной жены. (Да, сразу после рождения сына она отказалась делить со мной супружеское ложе, сама мысль о дешперациях ей опостылела.) Я и не смел настаивать. А лишь входил в ее приют уединения смиренно и почтительно, как в храм.

Я вызывал врачей; но они лишь пышно рассуждали о дисбалансе ликворов, меланхолии и необходимости подпитывать архей. Но я их звал не для философических бесед о космосе — порядке, где миром правит смерть. Едва взглянув на ее исхудавшее лицо, они тут же опускали руки, стыдливо намекая на чахотку и предлагая бессмысленные, бесполезные декокты и тинктуры, которые, по сути, лишь настои аптекарских трав и опия. Один лишь доктор проявил оригинальность мысли, предложив свежий воздух и целительный бульон по медицинской рецептуре. Он заявлял, что пациенты выздоравливают, если кормить их отваром того органа животного, который у них страдает.

Лекарь принес опалесцирующий отвар в стеклянной колбе. Но Тони, с отвращением отвергнув кулинарное лечение, согласилась вместо этого отбыть в далекое имение, чтобы вдыхать лесной эфир на волжских берегах под Керенском.

Так жили мы в глуши, вдали от мира, она в своей болезни, а я в изучении трудов врачей, философов, алхимиков и магов. Я жаждал постичь природу ее недуга. Что первично: дух или тело?

Почему тело тает, не имея видимых изъянов, а дух не рвется к жизни? В чем причина? В родах? В скорой смерти сына? Но младенцы — лишь зародыши людей, они еще не совсем принадлежат этому миру, потому и покидают его так легко и быстро, будто и не заглядывали сюда вовсе. Не зря в столь любезном ей аглицком наречии новорожденного ребенка обозначают местоимением *it* — «оно». Сие есть объект, не наделенный духом.

Тогда о чем она тоскует? Может, я не мил ей больше?

...Я на рассвете входил в ее покои, сжимал истаявшую руку, смотрел в потухшие глаза и... не находил ответа на вопрос. Так мы сидели молча, блуждая по просторам памяти каждый своею дорогой.

На этом рационий мой иссяк, и я оборотился к мистике, в которой, увы, также искал логику, но тщетно.

Тони же, напротив, потянулась к волшебству и сразу оживлялась, когда я говорил о чудесном. Моя любимая решила, что вещий сон даст нам подсказку. И вот однажды она, шатаясь, встала мне навстречу; на ланитах цвел лихорадочный румянец.

— Мне был сегодня сон! Я, как воочию, видала знахаря Савелия; он посадил меня на своего коня, и мы летели над огнем! Потом я стала прежней! Иди же, приведи его! О грехи мои тяжкие! — Она торопливо перекрестилась, ища прощения у Господа за подобные желания.

Да, знахарь был персоной темной. До весны он жил в Казани, но был вынужден спешно сменить локацию, ибо напрозорил, что Емелька Пугачев захватит город да будет сечь дворянские головушки направо и налево. Предсказание сбылось, и Савелий, еле избежав острога, по слухам, скрывался где-то недалеко от моей усадьбы, на болотах в лесу.

Об этом сказывал проезжий купец, коий бежал от бунта, как заяц от пожара, и нам советовал.

Я с возмущением отверг столь низменную препозицию. Не мне, офицеру и дворянину, бояться всякой черни! Я на своей земле. И мне бежать негоже! Своим мужикам я был рачительным отцом, ни разу не погрешив супротив справедливости! Я верил в их верность разуму и мне. К тому же — подобные бунты противны самой натуре че-

ловеческой. Мужик, в силу происхождения, темен и неразумен; не может он жить без господина, яко тело без головы.

Так мыслил я в ту пору... О, как я заблуждался! Но не буду отвлекаться и продолжу излагать события в правильной секвенции.

...Я разыскал кудесника в глуши, среди болот, в прикрытой хворостом землянке. Он был еще причудливей, чем декорации, в которых жил.

Лысый мужик с длинной седой бородой, в шляпе, потертом кафтане и ботфортах, за поясом матросский нож. Он походил скорее на беглого солдата или каторжника, чем на целителя. Взгляд дерзкий, речь престранная, присыпанная аглицкими проклятиями, как красным перцем.

— Меньше чем за десять целковых не поеду! Даже не проси! Damnit! Деньги вперед! Я было возмутился, но торговаться недостойно дворянина.

Разбойник хищно сцапал со стола монеты, ухмыльнулся и стал неспешно седлать неказистого, но крепкого конька.

По дороге через лес Савелий спрашивал про хворь моей супруги и делал это более толково, чем иной столичный доктор. Затем бесцеремонно резюмировал:

— Если ты не напутал, барин, то чахотки нет! Damnit! От моей методы будет толк!

Он без всяких церемоний протопал в ermitage моей супруги; я едва поспевал за ним. Она вскочила нам навстречу и замерла, воззрившись на кудесника, затем стала медленно отступать назад, пока не упала в кресло.

— Скажите, она не умрет? — малодушно вырвалось у меня.

— Все мы смертны — таков закон природы! Damnit! Но я сейчас за жизнь ее ручаюсь! Присаживайтесь! My lady! My lord! Приступим к процедурам!

Обрывки английской речи ошеломили Антонину; ее будто обступили призраки давно минувших дней. Дней детства, когда дома говорили по-английски и на пирожное подавали пудинг. Она как замороженная смотрела на Савелия и нервно теребила перстень на руке.

Наглец прошелся в грязных сапогах по персидскому ковру, уселся на стол, вытащил из кармана предмет, похожий на крупную медную монету на черном шнурке, и начал им размахивать.

— Присядь, барин, на диван, рядом с женой своей! Damnit! Теперь же слушайте меня! Мой голос! — Голос его разительным образом изменился; из глумливого стал властным и проникновенным. — Вот амулет! Смотрите на него! Внимательно смотрите!

Медный кружок с изображением крылатых сандалий начал раскачиваться прямо перед моим носом. Я все ловил взглядом амулет, пока он не обернулся солнцем.

Радостным солнцем над изумрудным лугом. Оно ласкало, а не жгло. Жизнь искрилась красками. Мы с Тони, взявшись за руки, бежали по нескошенной траве легко, как раньше. Тони, юная, прекрасная, сорвала красные ягоды рябины и, смеясь, бросила в меня.

На белоснежной рубашке и руках выступили красные пятна, я попытался их стереть. Не получалось. Тони схватила меня за руку и крикнула:

— Бежим, Илья! Бежим! — А потом совсем уж неуместное: — Они убьют нас!

Я открыл глаза и будто провалился в новый, уже кошмарный, сон. Уютные покои моей жены стали полем брани. Шайка оборванцев (а среди них наши мужики!) вырывала друг у друга наши вещи.

Кудесник только что зарезал одного. Капли крови брызнули на мой рукав, как сок в волшебном сне. Он ловко владел ножом, но супротив пятерых продержался недолго.

Тони дернула меня за руку, перешагнула через труп, перекрестилась и крикнула:

— Бежим скорей! Грехи мои тяжкие!

Мы побежали вниз по лестнице, но выйти через парадный вход не хватило куража. Перед усадьбой, подобно растревоженному улью, гудел народ, изрыгая проклятия

в мой адрес. Затем зачинщик исторг дикарский клич, схватил факел и начал с упоением жечь мой дом, веля толпе последовать его примеру.

Я бросился туда, чтобы вернуть на путь истинный моих заблудших овец. Но Тони будто прочитала мои мысли:

— Не смей! — В ней было столько силы, что я забыл про дом, про то, что разорен. Она была здорова, после трех долгих лет болезни!

Счастье затмило разум мой, и судьба усадьбы стала безразлична. Мы, крадучись, как воры, выбрались из дома через кухню. У коновязи стучал копытом крепенький конек целителя-пирата.

Взять его и прочь скакать, пока никто не видит! Но я замешкался: мне, дворянину, становиться конокрадом не пристало, даже под страхом смерти.

Но Тони разрешила сомнения:

— Конь с лихвой оплачен! Грехи мои тяжкие! — И воздела руку к небу. И только тут я понял, что на пальце нет перстня с диамантом.

— Он снял кольцо, покуда я спала! Сорвал он также медальон с твоим портретом! Грехи мои тяжкие! — Она вся задрожала. — За подлым грабежом его застала чернь, и началось смертоубийство за добычу!

— Так вот каков он, наш корсар! — Я бросился отвязывать коня.

...Потом мы ехали вдвоем на одной лошади, как рыцари-тамплиеры, доведшие идею бедности до абсолюта. Мы потеряли все и все приобрели.

Так providение в образе разбойника явилось к нам, чтобы спасти. Или Гермес в своем великом плутовстве, прикинувшись Асклепием, свершил чудесное исцеление. Как знать?

Лишь остается уповать на Господа, на то, что в милости своей он даст нам выбраться из охваченного заразой бунта края и жить далее во славу Божию.

ФЕРЗЬ И ПЕШКА

...Серый лондонский рассвет выхватил из темноты мраморный бюст Цицерона. Античный оратор зло скривил губы в усмешке, олицетворяя само красноречие, от коего теперь зависит будущность России... и всей Европы в придачу.

Семен Романович Воронцов возвел очи к небу, дабы встретить молитвой мрачный мартовский день 1791 года. Но взгляд зацепился за расписной плафон, и в голове закрутились богопротивные мысли. Арес в золотом шлеме и алом плаще будто целился копьём в него, в российского посла. Да, бог войны извечно правит миром, вознося сильнейших и низвергая слабых. В отборе лучших есть высший смысл. Но его задача — отвести грозное копьё Ареса от России. Не сдюжит родимая войны со всей Европой купно.

Граф вздохнул, сел в кресло, задумчиво провел холеным тонким пальцем по лакированной клетчатой доске. Спору нет, Очаков — лишь доска для шахматной игры. Лишь повод для Британии начать войну. Премьер-министр Питт мечтает взять реванш за все российские виктории, особенно за Крым. Уже девятый год пошел, как аглицкий лев готовится к прыжку на русского медведя.

При мысли о льве посланник улыбнулся. Не будет сильным лев, что головою слаб. Король-рамолик — большая фора для игры. Воронцов запахнул плотнее бархатный шлафрок. Он все медлил одеваться, медлил начинать новый день. Ведь дней, чтобы отвести великую войну, осталось очень мало.

Флот из тридцати шести корветов ждет лишь команды к бою. Не о Турции здесь речь, а о России-матушке. О ее позиции на карте мира. Граф крутанул пальцем глобус. Модель небесной сферы со скрипом повернулась.

Как быть? Что делать? Воронцов окинул взглядом кабинет, будто ища подсказки. Мраморные бюсты по углам, цветочный узор на шелковых обоях — все милое, родное, как там, в далеком Петербурге. Да и сам дом на Харлей-стрит — чисто «остров на острове». Остров русского духа в сердце Альбиона. Обычаи, манеры, челядь, кухня — все родное! Язык, наконец! За шесть лет службы Воронцов так и не выучил туземное наречие. Да и к чему оно?! Все важные беседы ведутся на французском; для остального же есть толмачи.

Переводчиков много, но лучший — преподобный батюшка Смирнов. Уж какой умница Яков Иванович: ни в сказке сказать, ни пером описать. И Господу служит, и Государыне, да и себя, грешного, не забывает. Переводчик при посольстве, а лично при посланнике — незаменимый человек.

...Золотой человек пришел, как было условлено, без доклада, когда Семен Романович задумчиво расставлял шахматы — прообраз будущей диспозиции — на инкрустированной перламутром доске.

— Наш ферзь — месье Джеймс Фокс! Что скажешь, Яков Иванович?

— Именно так, ваше сиятельство! Хвала Господу! — Священник помедлил и добавил вполголоса: — Глава вигов на нашей стороне, пока другие фигуры на доске!

— Ты прав! — Граф водрузил на доску слона с конем. — Вот оппозиция и пресса!

Смирнов легко включился в игру, взял из коробки белого короля и произнес:

— Вот наш король — общественное мнение! И за него бороться должно! Смеею заметить, для здешней публики Россия дальше, чем Луна. Ну а Очаков и вовсе — за пределом ойкумены! А нужно сделать так, чтоб их приблизить!

— Ты прав! Публику должно вовлечь в игру! — Граф выставил на доску пару пешек. — Газетчики стараются! Брошюры издаются! Но... их читают мало! А вдумываются и вовсе единицы! А нам нужна публичность! Иначе...

Воронцов вновь воздел очи к разящему копью Ареса. Античный бог был красочен и ярк.

— Нам нужна яркость, экспрессия! Картинки на стенах домов! Вот что взбудоражит здешнюю публику! И антивоенный девиз!

— Да! Да, прекрасная идея! И живописать-то должен аглицкий художник! — Смирнов водрузил на доску еще одну пешку. — Вот пешка, что поможет нашему ферзю!

Священник вспомнил незадачливого богомаза, коего взял подновить росписи на стенах храма; как-никак православная церковь — лицо посольства, а значит, лик самой страны.

— Есть юноша из местных! Зело экспрессивен и нерачителен! Каюсь, уже хотел его прогнать взашей за слишком яркие узоры на колоннах! Но не решился: ведь не имеем средств на лучшего мазилу! — Поп вздохнул и замолчал, намекая на собственное бедственное положение отца пятерых детей. Воронцов поморщился, вспомнив, какое количество челяди приходится кормить: камердинеры, секретари, кухмистер, горничные, швей, официанты и прочая, прочая. Просто голова идет кругом. И все нужны — лицо страны подкрашивать, яко этот богомаз.

Спустя мгновение Смирнов продолжил:

— Но для письма на стенах лучше не найти... Малюет ярко, глаз не отвести!

— Так ли он хорош, твой живописец?

— Для красочных призывов — да! Экспрессия как дар небес! Но... — Священник немного смутился. — Признаться, мальчишка немного не в себе!

— Да не страшно! — Граф сделал выразительный жест рукой и оживился. — Очень даже хорошо!

Священник кивнул: «В стране, где сам король — рамолик, безумие — почти что козырь!» Но не осмелился подобно высказаться вслух о коронованной особе.

Воронцов, оживившись, прошелся взад-вперед по комнате, сквозь стекла кинул взгляд на Харлей-стрит.

— Вот и настало время день начать! Сейчас велю, чтоб подавали одеваться, и... через час жду тебя здесь, уже с москательщиком! Желаю на него взглянуть!

...Однако смотреть особо было не на что: худенький мальчишка лет шестнадцати, в измазанной краской куртке и без парика. Рыжие вихры торчали во все стороны; в движениях — растерянность, в лице — все чрезмерно: слишком большой нос и пухлый рот, огромные серые глаза.

— Милорд! — Мальчишка неуклюже поклонился и, разинув рот, уставился на мраморного Диогена.

— Сумеет ли такая пешка подыграть ферзю? — Воронцов не скрывал разочарования.

— Не хуже, чем другая! Главное, чтобы Господь от нас не отвернулся! — Поп быстро осенил себя крестным знаменем и воздел очи к пышнотелому розовощекому Амуру. — Молю Всевышнего, чтоб сей юноша нас не подвел!

Батюшка взглянул на протезе с некоторым смущением, вспоминая собственное недавнее красноречие на грани плутовства. Или за гранью? То Господу виднее. Лишь бы не отвернулся Всеблагий от матушки-России.

Юный художник не понимал беседы иноземцев. Он смотрел. На самого большого лорда из дикой, варварской страны. Того, кто кидает нищим полукроны. Нет, не врут. Это он самый. На поясе кошель с узором. Никто в Лондоне кошель не носит, а этот носит. И ликом светел, тонок, как король. Мальчишка испугался подобного хульного сравнения и, шепча покаянную молитву, перекрестился. На бюст Цицерона, как показалось со стороны.

Но Джо Питерса давно не трогали насмешки. Главное — спасти Англию от этих монстров в облике людей. Убогим — серебро. А против врагов — чудо-оружие. Две стороны одной монеты. Он снова вспомнил речи попа-еретика о чудо-корабле, которым правит царь морей — владыка Посейдон! Кто знает этих русских? Быть может, чтут древних демонов почище, чем Христа? Он живо представил бородатого морского старца, что одним ударом трезубца сметает все тридцать шесть корветов и низвергает английский флот в пучину.

Почему он легко поверил жрецу варварскому? Джо не смог бы толком объяснить. Просто верил он в свое избранничество, с самого пробуждения на этом свете верил. Мечтал пойти в солдаты, чтоб голову сложить за короля, но был признан непригодным и отдан в подмастерья к живописцу. Краски Джо сначала терпеть не мог, но после разглядел их волшебство. Он каждый раз, берясь за кисть, писал свою мечту. И неважно, что он делал в тот момент: подновлял ли вывеску у цирюльника или стены в церкви у еретиков.

Неважно. Он всю жизнь шел к цели. И вот теперь он видит цель воочию. Значит, его действительно избрал Господь, как Деву Орлеанскую. Ей тоже Голос был, как и ему. Джо трепетал от счастья и, потупив взор, стал разглядывать золотые пряжки на башмаках вельможи.

...За окном искрилось майское солнце. Воронцов мысленно ставил бюст вига Фокса между Диогеном и Цицероном, как матушка императрица. Парламентская баталия была выиграна с триумфом. Ферзь оправдал себя стократ. И пешка тоже. Граф повертел в тонких пальцах легкую фигурку из слоновой кости. Граффити красочностью собирали множество зевак. О разорительности войны из-за далекого, никчемного Очакова заговорил весь Лондон. И Фоксу осталось лишь возглавить общий trend.

Ну а маленький рамолик Джо, увы, совсем сошел с ума. Кричал о Посейдоне, монстрах и жутком корабле, пока не угодил в Бедлам. Граф аккуратно вернул пешку в коробку и опустил крючок.